

Русские революционеры - политические беженцы в Швейцарии | Russian Revolutionaries - Political Refugees in Switzerland

Auteur: Людмила Клот, [Цюрих/Женева](#) , 07.11.2012.

Ленин и Крупская в Швейцарских Альпах, гравюра Петра Староносова (© David King Collection)

«Политические эмигранты играли важную роль в истории России со времен Ивана Грозного и князя Курбского. Для русских революционеров конца 19 - начала 20 веков Швейцария была одновременно политическим убежищем и пристанищем для учебы», - пишет историк Альфред Эрих Сенн в исследовании, посвященном событиям до 1917 года, происходившим на швейцарской земле.

"Political emigrants played an important role in the Russian history since the times of Ivan IV and prince Kurbsky. For the Russian revolutionaries of the late 19th and beginning of the 20th centuries Switzerland was both a shelter and a place of study", writes Alfred Erich Senn in his research paper devoted to the events which took place in Switzerland before 1917.

Russian Revolutionaries - Political Refugees in Switzerland

7 ноября уже не отмечается как годовщина Великой Октябрьской социалистической

революции, однако по старой памяти мы решили предложить вашему вниманию малоизвестную информацию на эту тему, связанную со Швейцарией.

В конце 19 и начале 20 веков швейцарские университеты были заполнены русскими и поляками. [Герцен](#) провел свои последние дни в Женеве, [Кропоткин](#) и [Бакунин](#) нашли себе здесь немало сторонников, а с 1870-х годов, после дела Нечаева, Швейцария вновь всерьез обратила внимание на проблему политических беженцев. При этом не стоит ограничиваться наиболее яркими биографиями – по мнению Сенна, настоящие корни российского социально-демократического движения произрастали в Женеве.

Скажем несколько слов о человеке, собравшем массу информации о том, как (не без бюрократии, но гораздо более толерантно, чем в других европейских странах), Швейцария относилась к борцам с царизмом до 1917 года.

Об авторе: историк Альфред Эрих Сенн живет в Соединенных Штатах. Этот 80-летний ученый – почетный профессор Висконсинского университета в Мадисоне. Он родился в семье знаменитого филолога и лингвиста, швейцарца Альфреда Сенна, который познакомился со своей будущей женой Марией Евой, работая в Литве в университете. Впоследствии они вместе переехали в Штаты. Между собой родители Сенна говорили на литовском, хотя для отца этот язык был неродным, а для матери – третьим, после русского и польского. Следуя пожеланиям отца, Альфред Эрих Сенн на протяжении жизни изучал и активно работал с 40 языками, среди которых русский, конечно же, занимал не последнее место. А.Э.Сенн изучал историю и международные отношения в Университете Пенсильвании, получил степень магистра истории в Колумбийском университете, а темой докторской диссертации выбрал историю Литвы, много лет преподавал в Висконсинском университете в Мадисоне. Сенн – автор восьми книг, множества монографий и научных статей. Наше внимание привлекла написанная им в 1968 году в Мадисоне работа «Русские революционеры в поисках политического убежища в Швейцарии до 1917 года».

[Анжелика Балабанова](#) в книге «Моя жизнь – борьба.

Мемуары русской социалистки», вышедшей в 1938 году, отметила, что накануне Первой мировой войны единственными членами Международного социалистического бюро, не жившими в своей собственной стране, были представители России и Турции. Большинство тех, кто возглавит революцию в России в 1917 году, в начале 20 века жили в Швейцарии, а Женева практически сделалась столицей русского революционного движения, отмечала Балабанова.

Пребывание Ленина в Швейцарии стало темой множества научных исследований как в социалистическом лагере, так и в противоположном. Но вот особенности жизни рядовых политэмигрантов остаются малоизученными. А между тем, русская колония той эпохи в Швейцарии была интереснейшим социальным образованием. Ее представители практически не ассимилировались, будучи уверенными, что не останутся надолго. Виной этому были [литературные устремления](#) и [политические амбиции](#) этих необычных резидентов, уверен Альфред Эрих Сенн.

Их жизнь в Швейцарии давала работу полициям двух стран – Службе безопасности Конфедерации и российской Заграничной агентуре. Парижский центр Заграничной агентуры располагался на улице Гренель в подвале российского консульства. Официально она наблюдала за потенциальными террористами, но главными объектами ее интереса были русские социал-демократы. Во время Первой мировой войны шестеро российских агентов из Парижа работали в Женеве. (НГ: архивы Парижского агенства Заграничной агентуры сегодня находятся в Стэнфордском университете в США: в 1926 году 16 опечатанных ящиков с бумагами и фотографиями тайно вывез и передал американцам последний российский посол в Париже Василий Алексеевич Маклаков. С 1964 года они доступны для исследователей).

Швейцария традиционно была страной, [принимающей беженцев](#). Это в каком-то смысле считалось для нее священной традицией, пишет Сенн и напоминает: нередко будущие повелители государств успевали в начале своего пути побывать в швейцарской эмиграции. Яркий пример тому – Наполеон Третий, потребовавший в Конфедерации гражданских прав и защиты от французского правительства. Когда пятнадцать лет спустя ему принадлежала власть над Европой, он хотел запретить не только право на политическую эмиграцию для своих врагов, но и публикацию в Швейцарии книги Виктора Гюго «Наполеон Малый». Американский историк не стал приводить в своей работе пример [Бенито Муссолини](#) – скорее всего, потому, что во время своей швейцарской молодости итальянец был, скорее, иммигрантом трудовым, чем политическим.

Швейцарское правительство оставляло за собой право высылать нежелательные элементы, которые, согласно Конституции 1848 года, «ставили под вопрос внутреннюю и внешнюю безопасность Конфедерации». Но из-за федеральной структуры государства власть правительства была ограниченной – реальной контроль над иностранцами осуществляли кантоны.

После взрыва бомбы в Цюрихе 22 октября 1889 года правительство потребовало от властей города «точной проверки документов всех русских студентов». А затем – «полного и постоянного контроля». Для этих целей в 1892 году при полиции Цюриха было создано «Fremdenbureau» – «Бюро по делам иностранцев», которое централизовало выдачу видов на жительство во всем кантоне. Правительство Конфедерации переводило кантональной полиции 3 тысячи франков в год, чтобы покрыть расходы на подготовку этих документов, рассказывает Сенн.

Но проблема иностранцев, с которой столкнулась Швейцария, была намного серьезнее, чем в других европейских странах. Согласно переписи населения от 1910 года, на 1000 резидентов Швейцарии приходилось 147 иностранцев! Тогда как в Испании эти цифры составляли один на тысячу, 4 – в России, 11 – в Голландии, 17 – в Германии, 27 – во Франции и 31 – в Бельгии. Пятая часть всех иностранцев в Швейцарии проживала в Цюрихе, где она представляла собой 34% всего населения. А в целом по стране доля иностранцев в городах крупнее, чем 10 тысяч человек, составляла 28,3%.

Нельзя не отметить, что множество иностранцев приезжало в Швейцарию [для учебы](#),

и доля иностранных профессоров в здешних университетах тоже была (НГ: и [остаётся сегодня](#)) выше среднеевропейской. [Русская профессура](#) в начале 20 века занимала 13% постов на факультетах, чьими руководителями были не-швейцарцы, делится своими расчетами Альфред Эрих Сенн.

Иностранцы, чьи документы были в порядке, могли получить два типа видов на жительство: долговременный и ограниченного действия. Тем, у кого не было документов, разрешалось запросить бумагу под названием *Toleranz*, за которую нужно было выплатить залог: в Цюрихе он составлял 1500 франков на человека или 3000 франков на семью. Переезжать получатель *Toleranz* не имел права: документы выдавались кантоном, и залог не мог быть переведен из одной кантональной кассы в другую. Еще одна категория беженцев звалась *Refraktäre* – они отказывались служить в армии родной страны. Когда Владимир Ленин поселился в Цюрихе в 1916 году, он попал в категорию *Refraktäre*, а после еще и должен был заплатить кроме обычного залога дополнительный в 100 франков.

Процедура выдачи документов вызывала у эмигрантов недоверие, и не без оснований. В городском архиве Цюриха хранится жалоба на немецкого сотрудника «Бюро юридических консультаций для русских», который по должности занимался документами выходцев из России и был замешан в деле о шпионаже.

Русская колония в Швейцарии состояла из представителей всех слоев общества – лиц знатного и даже высочайшего происхождения, очень богатых людей, интеллектуалов – ученых и студентов, рабочих и даже крестьян (польских), которые нанимались на работу на швейцарские заводы. Строже всего полицейский надзор за приезжими был в Женеве и Лозанне. В остальных кантонах полицейские больше всего были озабочены поведением [европейских анархистов](#) и итальянских революционеров, зато их отчеты содержали крайне мало информации о выходцах из России, подтверждая полную неспособность швейцарцев к предвидению того, в какой стране очень скоро грянет буря.

Русские эмигранты создавали кассы взаимопомощи для тех, кто потерял работу. Открывали столовые, где очень дешево могли поесть соотечественники в затруднительной ситуации. Одним из прекраснейших примеров солидарности стало открытие «Русской народной санатории» на 158 мест в 1909 году для бедных больных туберкулезом в Давосе. Выходцы из России серьезно страдали от этой болезни – в 1912 году в Давосе лечились 3076 «наших», и состоятельные гости финансово помогали нуждающимся.

В 1914 году наступил момент, когда в Швейцарии невозможно было обменять деньги – для множества иностранцев это стало тяжелым ударом, пишет Сенн. Газета *Journal de Genève* насчитала тогда по всей стране 5 тысяч русских в нужде. Университет Берна обратился к владельцам продуктовых лавок с просьбой давать эмигрантам продукты в кредит. По всей Швейцарии организовывали сборы денег, концерты и вечера в поддержку нуждающихся. Князь Сергей Голицын (НГ: на его средства был установлен [памятник Суворову](#) в Швейцарских Альпах в 1898 году) передал 3000 франков Швейцарскому Красному Кресту, чтобы эти деньги были потрачены на помощь его соотечественникам в Лозанне, Берне и Цюрихе. В Цюрихе Союз русских студентов организовывал бесплатные обеды для нуждающихся – в первый день на обед пришло 15 человек, а на третий – уже 150, и университетское начальство разрешило разместить их в пустом спортивном зале Университета.

Русская миссия в Берне в эти дни

делала все, чтобы прийти на помощь соотечественникам – ко всему прочему она усилила свой состав за счет дипломатического персонала из Мюнхена, Дрездена, Франкфурта и даже Кенигсберга, вынужденного покинуть свои посты. Миссия печатала списки россиян, которых разыскивали близкие – правда, сторонники революции утверждали, что это – ловушка, цель которой в слежке за подозрительными элементами. Также миссия помогала переводить деньги из России в Швейцарию, убеждая при этом эмигрантов покинуть страну.

Кульминацией сотрудничества между выходцами из различных политических групп и классовых сословий России в швейцарской эмиграции стали дни 21-22 ноября 1914 года, когда состоялась встреча представителей всех русских колоний.

Председательствовавший на ней профессор Н.М.Райхесберг, русский эмигрант и преподаватель политической экономики в Университете Берна, высказал благодарность в адрес русской миссии и швейцарского народа за оказанную помощь. Вице-председателем на встрече была княгиня Сологуб из Давоса. Впоследствии как те, кто был близок к российскому правительству, так и представители социалистов, не без смущения вспоминали об этой встрече... Официальные записи о ходе ее были сделаны рукой [Фрица Платтена](#), швейцарского коммуниста, ставшего известным благодаря роли, которую он сыграет в организации возвращения Ленина на родину через Германию. Платтен пишет, что больше 2 тысяч франков князя Голицына осели тогда в руках объединения революционеров...

Осенью 1914 года немало русских эмигрантов безо всякого сожаления покинули Швейцарию. Публицист и дипломат Иван Майский в своих мемуарах писал, что, как журналисту, ему нечего было делать «в этой маленькой и мещанской стране». Ленин

называл Берн не иначе как «маленький скучный городишко», правда, он предпочел [остаться в Швейцарии](#) до 1917 года. Троцкий задержался в Цюрихе на три месяца, а затем уехал в Париж.

За первые месяцы Первой мировой войны состав русских колоний в Швейцарии радикально изменился. Прежних лиц здесь уже было не видно, но вдруг оказалось, что в страну прибыло множество выходцев из России, живших ранее во Франции, Великобритании, Германии и других европейских государствах. Эти политические беженцы, давно жившие за границей, поддерживали тесные связи с интеллектуальными и социальными течениями Западной Европы. Изолированные до 1914 года, во время войны они внезапно выдвинулись на бунтарскую политическую авансцену и начали играть на ней важную роль. «С их новой международной ролью соотносится буря, поднятая их возвращением в Россию в 1917 году», - завершает свою статью Альфред Эрих Сенн.

[русские революционеры в Швейцарии](#)

[Швейцария](#)

[беженцы в Швейцарии](#)

Статьи по теме

[Наташа Узер-Герцен: «Среди потомков Герцена – инженеры, архитекторы, врачи»](#)

[Бакунин пробудил у швейцарцев дух анархии](#)

[Лина Штерн – первая женщина-профессор Женевского университета](#)

[Швейцарская глава из жизни Сабины Шпильрейн](#)

[Русская стипендия Женевского университета](#)

[Супружество как точная наука](#)

[Ален Кампиотти: «Злодеи всегда находят теплое место в истории»](#)

[«Инесса и Владимир»](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/russkie-revolucionery-politicheskie-bezhency-v-shveycarii>